

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ НАРОДНОЙ СКАЗКИ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Т.В. Кузьмина, Т.А. Круглякова, О.А. Сулимова

Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника.
Материалы второй всерос. научно-метод. конференции. Санкт-Петербург, 14–16
февраля 2007 года. – СПб.: Изд-во НОУ «Экспресс», 2007. С. 100–105.

Существует богатая традиция использования текстов народных сказок для решения различных психолого-педагогических задач: на слушании, пересказывании, драматизации сказок строятся и занятия по развитию речи, и психологические тренинги. Тем не менее, исследования о детском сказительстве очень немногочисленны (см., например: Элиаш 1930; Елеонский 1943; Разумова 1995; Щербина 1995). Изучение вариантов известных народных сказок, записанных от маленьких жителей современных городов, позволяет проследить причины изменений, вносимых в тексты, связь этих изменений с общим уровнем литературного и речевого развития ребенка, и следовательно, оптимальным образом использовать рассказывание и слушание сказок в педагогическом процессе.

Мы исследовали устные пересказы русских волшебных сказок воспитанниками детских учреждений г. Санкт-Петербурга 5–7 лет: «Снегурушка» – 14 вариантов, «Гуси-лебеди» – 5, «Царевна-лягушка» – 5. (В работе использовались материалы из личных архивов авторов, а также тексты, записанные студенткой Института Детства РГПУ им. А.И.Герцена И.А. Щербаковой.). В ходе проведения эксперимента детям один раз прочитывали сказку и просили пересказать услышанное. Детский текст фиксировался на аудионоситель, расшифровывался и анализировался. В процессе анализа рассматривались как характер воспроизведения сюжета и композиционного строения сказки, так и особенности отражения ее специфических языковых черт.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА И КОМПОЗИЦИИ

Основные события, о которых повествовала сказка, обязательно упоминались в детских вариантах, однако, общий объем пересказов по сравнению с исходным текстом значительно сократился. Так, в исходном варианте сказки «Царевна-лягушка» – 1441 слово, в текстах детей – от 337 до 701 слова.) Для того чтобы проследить, какие элементы повествования были опущены, мы проанализировали исходные и детские тексты, опираясь на методику В.Я. Проппа (Пропп 1969), и сравнили полученные данные.

Во всех детских вариантах сохраняется экспозиция и зачин, 22 варианта из 25 содержат концовку. Согласно данным Л.А. Щербиной, исследовавшей воспроизведение детьми «Курочки-рябы», экспозиция присутствует и в детских, и во взрослых пересказах, тогда как передача постпозиции характерна только для вариантов дошкольников (Щербина 1995: 99).

В теле сказки наиболее пострадали повторяющиеся эпизоды, которые опускались либо произвольно переставлялись. Так, при пересказе «Гусей-лебедей» только двое детей из пяти упоминали о встрече девочки с тремя волшебными помощниками (печкой, яблоней и речкой), и лишь в одном варианте последовательность встреч соответствовала исходной. Вероятно, логика трехкратного повторения представляется случайной для современного ребенка, кроме того, постоянные повторы замедляют течение повествования.

В некоторых пересказах пострадали узловые моменты сказки (описание запрета и

появление искомого персонажа в сказке «Гуси-лебеди» (Руслан В., Света А.); смерть Коцея в сказке «Царевна-лягушка (Яна А., Нина Л.)). Причины такого усечения, вероятно, кроются не в том, что ребенок не понял и/или не запомнил основного содержания сказки. Скорее всего, центральные моменты повествования представляются настолько очевидными, что, ориентируясь на слушателя, уже знакомого с текстом, дети считают возможным заострять внимание только на подробностях развития событий. Исследовав приемы нескольких детей-сказочников, Н.М. Элиаш также отмечала специфический интерес многих из них к «отдельным конкретным индивидуальным подробностям» (Элиаш 1930: 36).

Сокращение объема сказки происходит главным образом за счет пропуска описаний обстановки действия и предметов, а также диалогов героев. Так, вместо довольно обширных описаний изделий царевны-лягушки в пересказах остается лишь упоминание о том, что они были *красивые* или *самые красивые* (Нина Л., Егор Н., Марина А.). В 4 пересказах «Гусей-лебедей» опущены реплики девочки в ответ на предложение отведать яблочка, киселька, пирожка: «*А девочка говорит... Ну, она не съела и она ей не сказала*» (Руслан В.).

Развертывание повествования может происходить вследствие привлечения других известных ребенку вариантов прослушанной сказки. Так, в двух пересказах «Снегурушки» героиня растаяла, хотя в прочитанном варианте финал другой.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ЯЗЫКА СКАЗОК

Приступая к анализу языковых особенностей детских пересказов, мы постарались определить, какие слова и выражения, встретившиеся в сказках, могут отсутствовать в лексиконе дошкольников, и, следовательно, вызвать сложности при восприятии и последующем воспроизведении текстов или, напротив, восприниматься как специфически сказочные, обязательные в пересказе:

- 1) стилистически окрашенная лексика (*батюшка, братец, девица*);
- 2) устаревшие слова, в том числе историзмы (*кудель, устье*), архаизмы (*не тужи, стряпает, уста*), семантические архаизмы (*голову повесил, черная изба, приказывали со двора*);
- 3) устаревшие грамматические формы (*к завтраму, съешь моего киселика; набери-ка мне снегу; испеки-ка мне блинка, соединительный союз да*);
- 4) традиционные формулы (*жили-были...; не было русского духу ни слыхом не слышать, ни видом не видать, а теперь очве явился*);
- 5) постоянные эпитеты (*чистое поле, сынки мои любезные, скатерти бранные, синее море*);
- 6) непривычные синтаксические конструкции: повторы (*яблоня, яблоня, куда гуси-лебеди полетели?*), инверсия (*налетели гуси-лебеди*).

Дети-дошкольники используют при рассказывании сказок стилистически окрашенную лексику: «*У моего **батюшки** и **пшеничные** не едятся*» (Нина Л.); «*Она сказала, что завтра она тоже придет на **пир***» (Егор Н.). Употребляют дети и слова, подходящие в стилевом отношении, но услышанные в других сказках и иных произведениях русского фольклора, в том числе песнях: «***Реченька**, спрячь меня!*» (Света А.); «***Девуцы** отдали, а у Снегурушки ничего не было*» (Даня В.); «***Красавица-девица**, что ты плачешь?*» (Никита С.). Следует заметить, что стилистически окрашенные слова редко употребляются в текстах дошкольников и набор их ограничен.

Устаревшие слова и семантические архаизмы в детские тексты также попадают

редко. Только один ребенок употребил соединительный союз *да*, часто встречающийся в сказках: «*Жили-были дед да баба*» (Нелли У.). Вместо выражения *мамки-няньки* в детских вариантах используется существительное *няньки*, и даже современное, пришедшее из детских садов, *нянечки*. *Черная изба* заменяется на *баня* (Нина Л.), что, вероятно, связано с осмыслением бани как места, в котором смывают «черное», т.е. грязь.

В ряде случаев устаревшие слова искажаются, по сути дела, заменяются словообразовательной инновацией: «*Баба-Яга повелела мне собирать ягоды*» (Никита С.); «*Что ты голову свесил, Иван*» (Нина Л.). Может происходить и паронимическая замена: *бабушка-задворенка* из «Царевны-лягушки» превращается в *дворницу*, вместо *людская* используется оборот *к людям* (Нина Л.), неизвестное *шелудей* («*Баба Яга взяла с руки шелудей*») заменяется на *желудей*. Значение заменяемых слов в какой-то степени сопоставимо. Так, из *желудей*, как и из *шелудей*, кашу не варят.

Часто дети опускают фрагменты текста, включающие историзмы. Иногда таким словам находится замена, свидетельствующая об адекватном понимании смысла. Например, при пересказе «Гусей-лебедей» ни один из рассказчиков не упомянул о том, что Баба Яга пряла кудель. Исходное существительное *веретено* в другом фрагменте сказки заменялось на *клубок* (Руслан В., Тимур С.), *прялка* (Света А.), *пряжа* (Нина Л.).

Устаревшие грамматические формы детьми практически не употребляются: «*поешь моего киселька* (ср. *киселика*)» (Нина Л., Тимур С., Света А., Руслан В., Рита А.); «*испеки мне блинов* (ср. *блинка*)» (Петя К., Катя Д.), «*и нашли избушку на куриных ножках* (ср. *на курьих*)» (Настя Б.).

Заменяются слова, входящие в лексический состав современного языка, но малознакомые или незнакомые детям. Так, никто из детей не употребил исходное существительное *невестка*, которое заменялось на *невеста*, а чаще вообще опускалось. Изменяется непривычное оформление имен собственных (*Снегурочка* вместо *Снегурушка*).

Отмеченные изменения свидетельствуют об активном протекании процессов осмысления и пересказывания услышанного. Дошкольник не дословно повторяет прослушанную сказку, но предлагает собственный вариант текста. Иногда архаичность сказочного языка мешает достичь адекватного понимания, но изменения, которые вносят дети, не приводят к созданию бессмысленного текста, напротив, позволяют ребенку выстроить собственное цельное повествование в условиях невозможности разобраться в значении каждого входящего в текст слова.

Несмотря на то, что лексика и грамматика детских пересказов упрощаются и модернизируются, рассказчики стремятся в известной степени передать специфику сказочного языка. Обязательно воспроизводятся традиционные формулы («*И стали они жить-поживать и добра наживать*» (Никита С.); «*Не бойтесь, это моя лягушонка в коробчонке скачет*» (Егор Н.)), в первую очередь типичные зачины («*Жили-были*»). Иногда дети вводят в сказку формулы, известные им из предыдущего читательского опыта. Так, вариант «Гусей-лебедей», прочитанный детям, не содержал типичной концовки, которая, однако, появилась в пересказах: «*Вот и сказке конец, а кто слушал, молодец*» (Света А.); «*И все стали жить-поживать и добра наживать*» (Руслан В.). Расширение текста может происходить и за счет цитат из других фольклорных жанров: «*А сына гуси-лебеди подхватили и унесли к бабушке-ежке костяной ножке* (ср. аналогичное обращение в дразнилке)» (Нина Л.).

С другой стороны, формулы могут редуцироваться («*Избушка, повернись к лесу*

задом! (ср. *Повернись к лесу задом, ко мне передом*)» (Настя Р.); «*Стоит избушка на курьих ножках* (ср. *Стоит избушка на курьей ножке об одном окошке*)» (Руслан В.) и искажаться («*Почему же мне не плакать* (ср. *Как же мне не плакать?*)») (Даня В.). Иногда сами традиционные формулы не воспроизводятся, но передается их смысл: «*Снегурушка попросила, чтобы избушка стала дверью к ним, к лесу задом*» (Петя К.); «*А там сидит баба-Яга ноги прилипли к потолку* (ср. *Сидит там Баба Яга, костяная нога, ноги в потолок уперла*)» (Даня В.). Абсолютно незнакомые и малознакомые формулы, редко встречающиеся в сказках, не воспроизводятся. Например, ни в одном из 14 пересказов «Снегурушки» не встретилось выражения «*Не было русского духу ни слыхом не слышать, ни видом не видать, а теперь очве явился*», которое нечасто появляется в детских изданиях сказок.

В пересказах детей регулярно используются постоянные эпитеты, которые также могут быть заимствованы из других фольклорных произведений «*Снегурушка вышла на крыльцо и горько плачет*» (Петя К.); «*И унесли в темный лес*» (Рита Л.).

Из характерных синтаксических черт, свойственных русской сказке, в детских пересказах встречаются повторы в обращениях («*Снегурочка-Снегурочка, чего ты плачешь?*») (Настя Б.) и при описании длительных действий, требующих усилия для их совершения («*А девочка с братиком бежала-бежала*») (Света А.).

Способность не просто дословно повторить услышанный вариант, но использовать собственный арсенал средств создания сказочного повествования, свидетельствует о том, что дети дошкольного возраста уже становятся опытными сказителями, хорошо понимают специфику сказочного языка и умело пользуются его богатством. Анализируя сказки, записанные в разных деревнях Русского Севера, И.А. Разумова отмечала, что богатство репертуара многих детей, их индивидуальный исполнительский стиль «заставляют усомниться в том, что детская манера исполнения в целом отличается краткостью, простотой и схематизмом изложения» (Разумова 1995: 14).

Дошкольники активно включаются в процесс восприятия, запоминания и пересказывания сказок, стараются осмыслить сказочный сюжет, в некоторых случаях опираясь на догадки о значениях неизвестных слов и выражений. Дети уже имеют сложившиеся представления о жанре волшебной сказки, точно воспроизводят основные элементы сюжета. В пересказах дошкольников находят отражение многие отличительные черты языка сказки. На пересказывание оказывает влияние весь опыт восприятия (слушания и/или чтения) фольклорных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

- Елеонский С.Ф. Дети-сказочники // Советская педагогика. 1943. № 10. – С. 24–25.
Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.
Разумова И.А. Дети-сказочники. Петрозаводск, 1995.
Щербина Л.А. Экспериментальное исследование воспроизведения сказки по памяти // Усвоение ребенком родного русского языка. СПб., 1995. – С. 99–102.
Элиаш Н.М. К вопросу о детской сказке// Детский быт и фольклор. М.–Л., 1930. С. 35–41.